

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.51>

Ларионова Татьяна Владимировна

Принципы организации речевых манипулятивных практик общения

В работе представлена проблема организации речевой манипуляции, под которой автор понимает речевую практику/модель существования в социальной группе в целом и в конкретной ситуации общения в частности. Научная новизна статьи заключается в выявлении и обосновании архетипичных моделей речевых манипулятивных практик и принципов их организации. Цель работы состоит в определении содержания и правил организации речевых манипулятивных практик, их соотносённости с архетипичными практиками общения. Полученные результаты показали, что в процессе речевой манипуляции говорящий опирается на принцип имитации успешного речевого сотрудничества, принцип речевой эмпатии и принцип принуждения к речевому подчинению.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/5/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 261-265. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

16. **Dictionary.com** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionary.com> (дата обращения: 31.03.2020).
17. **Dijk T. A. van.** Discourse and Migration // Qualitative Research in European Migration Studies. Springer, 2018. P. 227-245.
18. **Eberl J.-M.** The European media discourse on immigration and its effects: A literature review // Annals of the International Communication Association. 2018. Vol. 42. Iss.3. P. 207-223.
19. **Kwok J.** Girl in Translation. N. Y.: Riverhead Books, 2010. 320 p.
20. **Shrayer M.** Waiting for America: A Story of Emigration. N. Y.: Syracuse, 2007. 142 p.

Field Modelling of the Migrant Image (by the Example of the Modern American Literature)

Borovitskaya Eva Igorevna

*North-Caucasus Federal University, Stavropol
borovitskaya.eva@mail.ru*

The study aims to present the hierarchical structure of the lexico-semantic field “Migrant” basing on the modern American migration literature. The research is novel in that it analyses the content of the lexemes constituting the lexico-semantic field and significant to a linguocultural analysis of the migration literature’s text. As a result of the study, key and additional components of the meaning of the lexemes denominating the migrant image in the fiction text were ascertained and described, and semantic groups of the verbs collocating with the field units were identified. The results showed that there are additional linguocultural characteristics of the migrant image in modern fiction.

Key words and phrases: lexico-semantic field; migrant; migration literature; semantic field core; semantic field periphery; linguocultural characteristics.

УДК 81-25

Дата поступления рукописи: 05.03.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.51>

В работе представлена проблема организации речевой манипуляции, под которой автор понимает речевую практику/модель существования в социальной группе в целом и в конкретной ситуации общения в частности. Научная новизна статьи заключается в выявлении и обосновании архетипичных моделей речевых манипулятивных практик и принципов их организации. Цель работы состоит в определении содержания и правил организации речевых манипулятивных практик, их соотносительности с архетипичными практиками общения. Полученные результаты показали, что в процессе речевой манипуляции говорящий опирается на принцип имитации успешного речевого сотрудничества, принцип речевой эмпатии и принцип принуждения к речевому подчинению.

Ключевые слова и фразы: речевая манипуляция; манипулятивная практика общения; распределенная когниция; языковая аргументация; аргументативный потенциал; семантические средства аргументации; речевая модель.

Ларионова Татьяна Владимировна, к. филол. н.

*Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета
tnesheva@yandex.ru*

Принципы организации речевых манипулятивных практик общения

В последнее время исследования по проблеме манипуляции, средств ее выражения, распознавания и блокировки ведутся в дискурсивном аспекте, с точки зрения объекта манипуляции, его принадлежности конкретному социальному институту [2; 7; 9; 12; 13]. Исследователи анализируют механизмы манипулятивного воздействия на массовое сознание, когда основополагающим является преобладание массового адресата [15], формулируя, таким образом, универсальные средства манипуляции. Это объяснимо с точки зрения необходимости упорядочивания речевых фактов и преобразования их в языковую систему.

Интересным, однако, представляется выявление причин возникновения феномена манипуляции в речевом общении не как технологии межличностного общения, а как результата естественного взаимодействия, продиктованного конкретной ситуацией общения, не связанной с долгосрочными стратегическими намерениями говорящего, а исключительно с его потребностью решить текущие коммуникативные задачи. Данные задачи формулируются конкретной физической и социальной средой и необходимостью говорящего встроиться в эту среду с помощью соответствующего естественного языка [6].

Актуальность данной работы определяется необходимостью дальнейшего исследования проблемы речевого манипулирования, поскольку остаются нерешенными задачи систематизации научных данных относительно его лингвистического статуса. Как правило, большинство работ, посвященных данному вопросу, выполнены в психологическом или психолингвистическом аспектах.

Другим свидетельством актуальности можно считать факт изучения речевой манипуляции в прямой зависимости от дискурсивного пространства, в рамках которого выявлены примеры речевого манипулирования.

На наш взгляд, подобный подход «уводит» исследователя от природы самого феномена. Смещение акцента с массового адресата на конкретную речевую личность и выявление личностно ориентированных средств манипуляции позволит определить лингвистический статус манипуляции и обосновать мотивационную природу некоторых языковых единиц, употребляемых говорящими в манипулятивных целях. Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые описываются и обосновываются принципы организации речевой манипуляции как архетипичной практики человеческого общения, которая естественным образом формируется у человека с физическим опытом и преобразуется в средство когнитивного развития.

Цель данной работы – определить содержание и принципы организации речевых манипулятивных практик в типовом коммуникативном пространстве, которые позволяют говорящим в первую очередь встроиться в физическую и социальную среду общения. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить лингвистический статус речевой манипуляции в контексте личностно ориентированного общения;
- 2) выявить аргументативный и манипулятивный компоненты в семантике языковых средств, используемых в речевой манипуляции;
- 3) сформулировать основные принципы организации речевой манипуляции в условиях физической и социальной адаптации говорящего.

Для решения первой задачи обратимся к дефиниционному анализу. Являясь достаточно разработанным и узнаваемым для массового сознания, понятие манипуляции не имеет четкой терминологической закреплённости. Прямое значение манипуляции как сложного действия определено происхождением слова от латинских “manus” (рука) и “pleo” (наполняю), следовательно, манипуляция подразумевает управление объектом руками. В случае с изучаемым феноменом физический (чувственный) опыт предопределил дальнейший контекст употребления слова в значении «управление действиями». Подобный пример является репрезентативным с точки зрения теории распределенной когниции, когда «ментальные процессы не ограничены исключительно пределами организма» [3]. Один из основоположников теории распределенной когниции Э. Хатчинс утверждал, что человеческие практики, к которым, на наш взгляд, можно отнести физические действия, оказывают существенное влияние «на формирование когнитивных задач» [Там же]. Следовательно, дальнейшее расширение семантического поля понятия манипуляции осуществляется за счет перехода от следствия физического опыта тела к средству формирования когнитивного опыта, что будет иметь большое значение в процессе выявления речевых манипулятивных практик. Существенным является определение вектора распределения когниции. Э. Хатчинс выделял несколько групп, между членами которых осуществляется распределение, в частности между членами социальной группы [5]. Таким образом, речевая практика является результатом формирования одним из членов данной группы модели поведения, принятой в группе.

Анализ синонимов слов «манипуляция» и «манипулирование» выводит целый список слов из военного дискурса: маневр, операция, подвиг, тактика, сноровка [1], что объясняется, скорее всего, стратегическим характером данного явления. Наряду со стратегичностью подчеркивается и его отрицательная коннотация: подкуп, подтасовка, махинация, афера [8]. Ещё одним ключевым определением является соотнесение манипуляции с «особым» умением и развлечением: фокусом, жонглированием, ловкостью, сложным приемом, цирковым искусством [11]. Как правило, речевая манипуляция и речевое манипулирование как акт и процесс соответственно отражают все описанные выше составляющие: 1) манипуляция как стратегия, 2) манипуляция как обман, 3) манипуляция как игра и т.д. Цель же манипуляции сводится к воздействию на адресата для получения своей выгоды. С. Г. Кара-Мурза определяет это воздействие как влияние на психические структуры человеческой личности [4]. С этим трудно не согласиться, так как физическое воздействие против воли человеческой личности чаще характеризуется как насилие, агрессия, в то время как скрытые ментальные структуры подвергаются воздействию таких же скрытых механизмов. Возвращаясь к теории распределенной когниции и учитывая результаты дефиниционного анализа, определим манипуляцию, в том числе речевую, как практику/модель существования в социальной группе в целом и в конкретной ситуации общения в частности, являющуюся результатом сформированных архетипичных практик общения и применяемую одним из членов социальной группы для получения скрытой выгоды.

Для решения второй задачи обратимся к методике аргументативного анализа, предложенной французским лингвистом О. Дюкро, позволяющей выявить аргументативный и манипулятивный компоненты в семантике языковых единиц. Проблема воздействия является центральной и для теории языковой аргументации, недаром понятия манипуляции и аргументации нередко рассматриваются в одном исследовательском контексте. Перед нами не стоит задача определения характера их отношений, данной проблеме посвящено немало работ теоретического и практического плана. Мы обратимся не к классической теории аргументации в логике, а к прагматической теории языковой аргументации, цель которой заключается в выявлении аргументативного потенциала языковой единицы. С точки зрения О. Дюкро, в содержании многих языковых единиц, наряду с семантическими элементами, инкорпорированы прагматические, при этом прагматическое значение преобладает. Согласно теории языковой аргументации О. Дюкро, любое высказывание, любое порождение коммуникации можно рассматривать как аргумент. При этом аргументативность создается не столько путем конструирования высказывания определенным способом, сколько за счет того, что сам язык уже обладает этой аргументативной силой [17].

Особое место в языковой системе с точки зрения проявления аргументативного потенциала занимают слова, выражающие предикативные отношения в высказывании, характеризующие соотношения предиката

и действительности, представленной в высказывании. В ситуации, когда, например, ребенок не может прямо попросить конфету у мамы, зная, что может последовать отказ, он моделирует свой положительный образ у мамы: «Мама, я *все-все* съел: и суп, и салат». Использование языковой единицы «все-все» необходимо для придания высказыванию статуса аргумента. Иными словами, мама должна расценить услышанное как возможность разрешить ребенку попросить конфету или поощрить его самой. Безусловно, для нее намерения ребенка очевидны, речь не идет о манипуляции. Ребенок не пытается скрыть свои намерения, он напоминает маме, что у них существует некий ритуал получения «сладкого приза» за выполнение «задания».

Языковые единицы, используемые для усиления семантики высказывания, изначально обладают аргументативным потенциалом, включение их в высказывание позволяет не только выразить свою оценку, но и формирует у адресанта статус осведомленного человека. В ситуации личностно ориентированного общения использование аргументативного потенциала языковых единиц позволяет решать коммуникативные задачи в условиях ограниченности средств общения, в частности в интернет-пространстве форумов и чатов. Так называемые слова-аргументаторы позволяют скрыть логику изложения адресанта, его истинные намерения и донести до адресата только аргумент, который он будет интерпретировать как истину. Понятие истины не случайно для теории языковой аргументации. Выявление аргументативного потенциала в семантическом содержании языковых единиц так или иначе обращает внимание исследователя на ценности, принятые в лингвокультурном сообществе. Французский лингвист П. Шародо соотносит все семантические средства аргументации с областями истины, этики, эстетики, гедонической и прагматической областями. Каждая из них предлагает оценить объект относительно оппозиции. Так, область истины представлена оппозицией «истинно/ложно», в сферу этики входит оппозиция «хорошо/плохо», область эстетики характеризуется отношением «красиво/некрасиво», в гедоническом плане учитываются параметры «приятно/неприятно», прагматический аспект оценивает с точки зрения «полезно/неполезно» [16]. Анализ примеров позволяет заключить, что в ситуации речевого манипулирования коммуниканты активно используют слова-аргументаторы, апеллирующие к той или иной области или даже к нескольким одновременно. В примере «Я понимаю, конечно, что мои дела – это только мои дела и на помощь, даже самую минимальную, мне не приходится рассчитывать, но и тебе это могло бы быть интересно, Лидия...» [13, с. 30] мать пытается уговорить дочь сопровождать ее на выставку в качестве переводчика, используя такие языковые единицы, как «тебе было бы интересно» (гедоническая область и область прагматики), «помощь... не приходится рассчитывать» (область этики). Создав определенный контекст, она добивается того, чтобы дочь не только согласилась пожертвовать временем, но и оплатить дорогостоящую поездку: «Билет, конечно, придется купить, и отель тоже никто не оплатит... Но боже мой, разве можно сказать об этом матери, не поссорившись с ней до конца жизни?!» [Там же, с. 32].

Решение третьей задачи требует уточнения термина «принципы организации», под которым в данной работе понимаются общие правила построения и функционирования. Если говорить о манипуляции как об архетипичных практиках общения, соответственно, необходимо сформулировать общие правила построения и применения данных практик в конкретных ситуациях общения, для чего будет использована методика лингвистического моделирования, то есть анализ каждой речевой практики будет сопровождаться поиском определенной модели архетипичной практики общения и обоснованием правил ее использования.

Как уже было сказано выше, речевая практика является результатом распределения когниции между членами одной социальной группы. Речевая практика манипулирования в этом случае также является результатом формирования моделей речевого поведения в конкретном лингвокультурном сообществе, то есть в общении родителей с ребенком данная речевая практика не только присутствует, но и имеет определенное значение для социальной адаптации ребенка. В этом отношении наиболее репрезентативными можно считать речевые практики, направленные на осознание собственного социального положения и на владение принятыми в обществе коммуникативными моделями.

Распространенная фраза «Я больше так не буду» является не столько обещанием, сколько знаком примирения в конкретной конфликтной ситуации. Изначально общение родителей с ребенком должно иметь установку на успешное коммуникативное взаимодействие, этому родители учат детей в процессе повседневного общения. Нередко успешное взаимодействие понимается ими как последовательная смена вопросно-ответных реплик. А. В. Колмогорова обозначает данную речевую практику практикой формирования коммуникативного каданса [5]. Поэтому на вопрос-упрек «Зачем ты это сделал» должна последовать фраза «Я больше так не буду». В этом случае ребенок удовлетворил желание родителей в успешном общении и усыпил бдительность на определенное время.

В процессе повседневного общения взрослые коммуниканты нередко используют подобные примирительные фразы «ну ладно», «ну хорошо», «обещаю», которые придают общению статус успешного взаимодействия и имитируют стремление говорящего быть полезным адресату. Но важным является еще и тот факт, что данные фразы позволяют говорящему сохранить право быть равным собеседником: «У нас тут одна телка скучает, так что присоединяйся, милости прошу. *Обещаю*, не пожалеешь. – Охотно верю, только как-нибудь в другой раз. Ты хочешь, чтобы я тебе простил должок в шестьдесят тысяч баксов?» (Е. Сухов. Делу конец – сроку начало) [10].

Таким образом, речевые манипулятивные практики, отражающие модель достижения коммуникативного каданса, должны создать у адресата ощущение успешной коммуникации и намерения говорящего удовлетворить все потребности адресата. На наш взгляд, уместно обозначить данный принцип организации манипулятивной речевой практики как имитация успешного речевого сотрудничества. В рамках данной речевой

практики говорящий использует языковые и речевые средства в рамках семантических областей истины (обещаю – гарантирую действительность исполнения) и прагматики (обещаю – гарантирую пользу).

Еще одной распространенной тактикой ребенка по манипулированию является жалоба на самочувствие «У меня болит животик, я не могу пойти в школу», которая, на наш взгляд, является результатом речевой практики формирования позитивного отношения к собственному телу [5]. Использование в речи ребенка уменьшительно-ласкательных суффиксов в наименованиях частей тела – следствие копирования речи близких родственников. Ребенок использует в речи, как правило, наименования тех частей тела, которые сам слышит от близких. Он думает, что для мамы очень важно, чтобы у него ничего не болело, поэтому для получения желаемого апеллирует к самому ценному, что у него есть.

Использование в речи слов-аргументаторов, усиливающих эмоциональное воздействие, у взрослых коммуникантов является результатом архетипичной практики общения: «Мы вчера поссорились. Ты уехал. Ты ни разу за ночь мне не позвонил. А я даже прилечь не могла, все ходила и ходила! Мне мама под утро “Скороую” вызывала!» [13, с. 51]. В данном случае цель говорящего очевидна для адресата, но скрытым остается перспектива моделирования у него стереотипного поведения в ситуации, когда его намерения не согласуются с желанием коммуниканта.

В следующем примере обсуждение темы здоровья необходимо говорящему для того, чтобы привлечь внимание адресата и презентовать себя как вежливого собеседника: «Здравствуйте, Марья Васильевна. А мы уже забеспокоились, не заболели ли вы?». Реакция адресата как более опытного коммуниканта подтверждает ложную заинтересованность говорящего: «Нет, я здорова. Вы хотите мне что-то сказать» (Кинофильм «Розыгрыш», режиссер В. Меньшов, 1976 г.). Примечательно использование в речи слова-аргументатора «уже», который усиливает семантику слова «забеспокоились» и позволяет говорящему апеллировать к области «этики». Последним аргументом в речи говорящего выступает фраза «Ну, Марья Васильевна, ну я уже запомнил. Все, я больше не буду!», которая должна маркировать примирение и желание говорящего добиться своей цели. Обращаясь к области истины в форме обещания, говорящий вновь использует аргументатор «уже», который должен подтвердить искренность его намерений.

Анализ примеров позволяет заключить, что использование в речи языковых средств в рамках тематической группы здоровья (части тела, физическое состояние) с опорой на архетипичную практику формирования позитивного отношения к собственному телу в целом направлено на формирование у адресата физического и/или эмоционального отождествления с говорящим. Данная речевая манипулятивная практика строится по принципу речевой эмпатии (ложное сопереживание со стороны говорящего или сочувствие со стороны адресата).

Следующий тип речевой практики будет представлен в дискурсивном фрагменте, описывающем общение мужа и любовника жены из кинофильма «Ночные забавы» (режиссеры В. Краснополский, В. Усков, 1991 г.):

Любовник (Л.): А ты что, Силин, не узнаешь меня?

Муж (М.): Кажется, узнал, Михаил Федорович.

Л.: Ну а что спрашиваешь?

М.: Думал, ошибся.

Л.: Ошибаться нельзя. Начальство надо помнить и знать в лицо.

М.: Как вы здесь оказались?

Л.: Вошел и оказался.

М.: Как вошли?

Л.: Ну не в окно, конечно. Как все нормальные люди, в дверь. А ты что, Силин, меня в чем-то подозреваешь?

М.: Без носок.

Л.: Ты хочешь сказать, почему я без носков?

М.: Да!

Л.: А тебе не кажется, Силин, что ты переходишь все границы дозволенного? Я же тебя не спрашиваю, что ты в таком галстуке при таком пиджаке.

М.: Это не такой галстук. Это импортный, я в Хельсинки купил. А вы без носков в моем доме.

Л.: А это что преступление?

М.: Где вы их забыли?

Л.: А, может, я их не надевал. Может, я йог!

В описываемой ситуации общения любовник с точки зрения оскорбленного мужа должен объяснить и оправдать свое присутствие в квартире хозяина. Однако, являясь начальником мужа, любовник стремится перевести общение из межличностной сферы в деловую («А тебе не кажется, Силин, что ты переходишь все границы дозволенного?»). С точки зрения материнских практик общения релевантными в данном случае выступают архетипичные практики, направленные на мониторинг степени проницаемости границ собственного социального «тела». Сущность данных практик заключается в формировании «установки на доступность своего поведения, действий, внутренних состояний внешнему наблюдению и оценке со стороны других членов сообщества» [5, с. 145]. В отношениях «начальник – подчиненный» доминирующая позиция начальника предполагает его право оценивать действия подчиненного, в том числе и его речевое поведение. В анализируемой ситуации любовник обозначает свой статус руководителя («Начальство надо помнить и знать в лицо»), подчиняет себе коммуниканта, отвечая вопросом на вопрос, и оценивает его, используя модальные глаголы «надо», «может». Данные слова-аргументаторы апеллируют к области этики, так как позволяют говорящему обозначать действия и слова адресата как «хорошие» или «плохие». Манипуляция строится на формировании у адресата убеждения

в правомерности действий и речевого поведения говорящего, что позволяет обозначить принцип организации речевой манипулятивной практики как принцип принуждения к речевому подчинению.

Анализ теоретического и языкового материала позволяет *заключить*, что:

1) речевая манипуляция – это речевая модель социальной адаптации в лингвокультурной среде, формируемая архетипичными речевыми практиками, направленная на воздействие на адресата с целью получения скрытой выгоды;

2) аргументативный потенциал языковых единиц, включенный в их семантику, используется как ресурс для формирования манипулятивных речевых практик; апелляция к различным семантическим областям: этики, эстетики, истины, прагматики и гедонической области – позволяет адресату интерпретировать высказывание в качестве аргумента, в этом случае манипуляция «скрывается» за аргументативными средствами убеждения;

3) каждая речевая манипулятивная практика строится на основании модели архетипичной речевой практики общения, которая формируется еще в детстве в процессе общения взрослого с ребенком; в качестве основных принципов организации данных речевых манипулятивных практик были выделены принцип имитации успешного речевого сотрудничества, принцип речевой эмпатии и принцип принуждения к речевому подчинению.

Список источников

1. **Абрамов Н.** Словарь русских синонимов и схожих по смыслу выражений [Электронный ресурс]. URL: <http://ivanov-portal.ru/abramov1.html> (дата обращения: 12.02.2020).
2. **Голубева Т. М.** Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе: на материале американского варианта английского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/yazykovaya-manipulyatsiya-v-predvybornom-diskurse-na-materiale-amerikanskogo-varianta-anglii> (дата обращения: 12.02.2020).
3. **Калинин С. С.** О применении теории распределенной когниции для структурного анализа концептуальной образности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-primeneni-teorii-raspredelennoy-kognitsii-dlya-strukturnogo-analiza-kontseptualnoy-obraznosti/viewer> (дата обращения: 13.02.2020).
4. **Кара-Мурза С. Г.** Манипуляция сознанием [Электронный ресурс]. URL: http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul_content.htm (дата обращения: 23.02.2020).
5. **Колмогорова А. В.** «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределенной модели языка и когниции. М.: Флинта-Наука, 2012. 177 с.
6. **Кравченко А. В.** Коммуникация и язык: некоторые соображения о предметной области коммуникативистики [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/294366594_Kommunikacia_i_azyk_nekotorye_soobrazenia_o_predmetnoj_oblasti_kommunikativistiki (дата обращения: 12.02.2020).
7. **Лисова С. Ю.** Манипуляция массовым сознанием в политической рекламе [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/01002630389> (дата обращения: 12.02.2020).
8. **Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П.** Большой психологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elkniga.ru/static/booksample/00/19/15/00191530.bin.dir/00191530.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).
9. **Навасатрян Л. Г.** Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ: на материале российских газет [Электронный ресурс]. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2017/06/13/dissertaciya_navasartyan.pdf (дата обращения: 12.02.2020).
10. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.03.2020).
11. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений / под общ. ред. Л. И. Скворцова. Изд-е 28-е, перераб. М.: Мир и образование, 2015. 1375 с.
12. **Сентенберг И. В., Карасик В. И.** Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация: альманах. СПб.: Экополис и культура, 1993. Вып. 1. С. 30-38.
13. **Устинова Т. В.** Гений пустого места. М.: Эксмо, 2019. 352 с.
14. **Устинова Т. В.** Седьмое небо. М.: Эксмо, 2019. 352 с.
15. **Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса. Волгоград: Гнозис, 2004. 328 с.
16. **Charaudeau P.** Grammaire du sens et de l'expression. P.: Hachette Livre, 1992. 927 p.
17. **Ducrot O.** Les Modificateurs Déréalisans // Journal of Pragmatics. 1995. № 5. P. 145-165.

Organising Principles of Verbal Manipulative Communication Practices

Larionova Tat'yana Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
tnesheva@yandex.ru

The article deals with the issue of organising verbal manipulation, which is understood as a speech practice or model of existing in a social group in general and in a specific communicative situation in particular. The article is novel in that it identifies and justifies archetypical models of verbal manipulation practices and principles of their organisation. The study aims to determine the content and organising principles of verbal manipulation practices, their correlation with archetypical communication practices. The results showed that speakers base themselves upon the principle of imitating successful verbal cooperation, the principle of verbal empathy and the principle of coercion to verbal submission in the process of verbal manipulation.

Key words and phrases: verbal manipulation; manipulative communication practice; distributed cognition; language argumentation; argumentation potential; semantic means of argumentation; speech model.